
МАУРИСИО ВИНЬЯС ДЕ КЕЙРОШ
К ВОПРОСУ О ПРОРОЧЕСКИХ ВИДЕНИЯХ (МЕССИАНСТВЕ)
СРЕДИ ТУКУНОВ

Множество причин вызывает у нас особый интерес к изучению мессианства среди индейцев племени тукуна.

Вспышки мессианства в этом племени, наблюдавшиеся с начала нашего века, представляются столь различными по своему характеру, что только очень широкое и разностороннее теоретическое объяснение смогло бы внести ясность в этот сложный вопрос.

Тукуны — относительно большое племя, численность которого примерно 4—5 тысяч человек¹. Они живут в Бразилии, Колумбии и Перу, по берегам реки Солимоенс, или Мараньон, и ее протоков. Несмотря на то, что они в течение 200 лет поддерживают более или менее постоянную связь с окрестным населением, единственный язык, на котором они говорят и который сохраняет свою чистоту, — язык тукуна или тикунa². Их земли с течением времени перешли к владельцам каучуковых плантаций. Ныне плантации находятся в упадке, но так называемые «владельцы игарапэ» (протоков) продолжают крепко держать в своих руках монополию торговли с индейцами на крайне невыгодных для последних условиях. Вследствие установившейся зависимости экономика племени должна была приспособиться к торговле, что вызвало резкие изменения как в общественном укладе, так и в мировоззрении индейцев.

Возможно, наиболее значительным для самих индейцев был процесс, который привел к разложению родовой общины, достигнув своей высшей точки 50—60 лет назад; как раз к этому времени относятся первые сведения о проявлениях мессианства³. Теперь родовые общины по мужской линии продолжают существовать, но они разрознены и, по-видимому, их деятельность сводится к решению вопросов о браке. Несмотря на все происшедшие преобразования, культура племени тукуна обладает еще эффективными возможностями самозащиты и способностью противостоять внешним давлениям и выстоять. Примеры этого мы приведем ниже.

Постараемся здесь, как можно более сжато, изложить известные факты, сообщенные ранее этнологом Куртом Нимуендажу, а также описать и другие явления, происходившие в том же племени, в частности — сильную вспышку мессианства в 1946 г. Это описание основано на данных, полученных из показаний индейцев и местных жителей из числа так называемых «цивилизованных», во время нашей поездки в

¹ R. C. Oliveira, The role of indian post in the process of assimilation, «America indigena», т. XX, № 2, апрель 1960.

² L. Anderson, Vocabulario breve del idioma ticuna, «Tradicion», год VIII, № 21, Cuzco, 1958.

³ C. Nimuendaju, The Tukuna, University of Carolina Press, 1952, стр. 11, 12, 58, 97.

апреле-мае 1959 г., совершенной по любезному приглашению этнолога Роберта Кардозо де Оливейра и организованной Департаментом антропологии Национального музея Бразилии. Попытаемся также рассмотреть, в каком направлении можно искать общие и удовлетворительные объяснения явлений мессианства в племени тукуна, располагая порой противоречивыми данными. Очень возможно, что рассмотрение этих вопросов послужит, в известной степени, для лучшего понимания «мессианства» вообще.

Первые известные нам вспышки мессианства произошли в начале нашего века.

Около 1900 г. индейцы Бразилии и Перу под влиянием предсказания девушки из племени тукуна стали собираться в долине реки Солимоенс. «Цивилизованные» окружили и обстреляли их. Во время этих событий много индейцев было убито, многие подверглись избиениям, а девушка-предсказательница исчезла⁴.

Примерно в 1919 г. на берегу реки Жакапура, в Кайару жил некто Аурелиано — юноша из племени тукуна, который занимался изготовлением скрипок и альтов. Когда у него начались «видения», ему построили отдельный дом, где он в одиночестве продолжал свои беседы с духами. Вокруг него стали собираться индейцы. Наконец «цивилизованные» решили вмешаться, арестовали Аурелиано под предлогом того, что он никогда не платил налогов за производство музыкальных инструментов⁵.

Среди местных «цивилизованных» мы нашли таких, которые помнят, что приблизительно в 1932 г. произошли новые события такого же рода. Группа индейцев племени тукуна собралась в Атипарана, где ожидалось «явление бога». В этой местности началась эпидемия и погибло много народа. Еще до сегодняшнего дня там сохранилось кладбище.

Нам также сообщили, что в 1938—39 гг. в селениях на берегу притока Сан-Жеронимо поднялись слухи, будто «большие воды» затопят все, включая каучуковую плантацию. Эта весть была, якобы, сообщена ягуаром ребенку из племени тукуна. Все индейцы бросились вверх по реке, стали расчищать землю для общинных посевов и строить большую малок (жилище индейцев), подобную тем, которые там существовали еще лет 50 назад; в одной такой малоке жили все члены родовой общины. По прошествии нескольких месяцев, так как не произошло предсказанное катастрофическое наводнение, они вернулись к прежней жизни.

На том же протоке Сан-Жеронимо, или Прето, произошло новое движение в конце 1940 — начале 1941 г. Во время одного из своих путешествий Курт Нимуендажу познакомился с семьей, в которой как раз и появился впоследствии ясновидящий. Спустя два месяца после событий он смог получить в этой семье различные сведения. Все данные об этой вспышке можно найти в его трудах⁶.

В этой семье никто не говорил и даже не понимал по-португальски. У юноши Ньоране (написание слова тукуна передаем в упрощенной форме) видения начались впервые, когда он ловил рыбу недалеко от дома. Ему привиделась лодка Текукира, сына Эпи, брата главного героя-просветителя индейской мифологии — Диой. Это был белый человек. Потом «ясновидящий» называл Текукира всегда Танати, т. е. «наш отец». Он настаивал, к удивлению Курта Нимуендажу, на том, что эта сверхъестественная личность была необыкновенно похожа на самого этнолога.

⁴ С. Nímuendajú, Указ. раб., стр. 137.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 138—140.

Вначале семья Ньоране отказалась верить в видения, считая, что юноша встретил какого-нибудь «обыкновенного злого духа». Ньоране ушел в лес и возвратился только через три дня. Он рассказал, что Танати водил его в Эуаре, трудно доступное место, где протекает ручей того же названия. В этом таинственном месте, — согласно представлениям индейцев, — все бессмертные, в которых верит племя, живут в изобилии, едят досыта вяленое мясо и пользуются благами цивилизации, по мнению тукунов, очень ценными. Живут они, приблизительно, как богатые «цивилизованные».

Во время нашего путешествия в разговоре с пажэ (колдун, знахарь) Понсиано, «капитаном» Туземного поста в Табатинге, мы услышали, что именно в Эуаре, которое называется также Гэ-упо, родились Диой и его брат Эпи. Там можно увидеть много пашен, но ни один индеец не знает, кто их возделал; видны повсюду следы людей, но неизвестно, чьи они; слышны человеческие голоса, но никого не видно.

Танати поручил юноше Ньоране сказать своему племени, что все должны собраться в Тайвежине на обрыве над протоком, который носит название Сан-Жеронимо, где, как считается, находятся развалины жилища, принадлежавшего Диой. Там индейцы сообща засеют участок земли и воздвигнут, по древнему обычаю, большую малоку. Затем огромное наводнение уничтожит всех «цивилизованных» всего мира. Спасутся только тукуны, собравшиеся в Тайвежине.

В январе 1941 г. множество индейцев уже собралось в указанном месте. И так как у отца Ньоране не было авторитета в религиозных вопросах, а роль юноши-«ясновидящего», по-видимому, сводилась только к передаче вестей, старый пажэ Жулиан взял на себя руководство. Обширные плантации были приготовлены с удивительной быстротой. Постройка большой малоки встретила затруднения, так как никто из представителей племени не обладал уже необходимыми техническими знаниями.

В это время плантатор Кирино Мафра, «хозяин» протока Сан-Жеронимо, узнал о происходящем. Он понял, что независимо от религиозного смысла, намерения индейцев в экономическом и социальном аспекте причинили бы ему урон: он потерял бы возможность с выгодой пользоваться трудом индейцев на своих каучуковых плантациях. Чтобы избежать этой угрозы, он поехал к индейцам, высмеял предсказания, назвав их абсурдным вымыслом, грозил высылкой Ньоране в Рио-де-Жанейро и тем, что правительство уничтожит индейцев, обстреляет их с воздуха.

Вскоре через Ньоране Танати объявил, что лишает с этого времени индейцев в Тайвежине своей поддержки, потому что один из них совершил «клановое» кровосмешение, запутав в это дочь пажэ Жулиана. В результате движение потерпело неудачу. У Ньоране продолжались видения, в которых Курт Нимуендажу появлялся теперь рядом с Танати.

Как рассказывают представители племени тукуна и «цивилизованные», имеющие с ними связь, следующая более длительная вспышка произошла после смерти Нимуендажу в 1946 г. Надо отметить, что Нимуендажу умер именно в местности, где живет племя тукуна, и причины его смерти, как нам кажется, еще до сих пор недостаточно выяснены.

В первые дни 1946 г. паника охватила туземцев, живших на берегах протоков Такана, Белень и в их окрестностях. Предсказывалось, что вскоре будет наводнение, при котором кипящая вода затопит всю местность и там погибнут все растения и все живое. От этого бедствия спасутся только земли Туземного поста в Табатинге. Около 150 индейцев

29 января 1946 г. бросили свои дома и земли, нагрозили лодки всем, что могли увезти и, путешествуя день и ночь по бурным протокам, узким проливам, вдоль затопленных пляжей, направились в местность, в которой ожидали найти спасение.

Из припасов они взяли с собой только муку, так как были уверены, что до наступления катастрофы посланное «правительством» большое судно, груженное продовольствием, придет в Табатингу. Следовательно, будет гарантировано содержание индейцев на все время ужасного наводнения. Судно должно было привезти также сельскохозяйственные орудия и рассаду банановой пальмы. Таким образом, когда пройдет опасность, тукуны будут иметь все необходимое для разведения новых плантаций и смогут жить в изобилии. Следует отметить, что надежда на будущее была связана с землями, принадлежащими посту; нигде в другом месте ничего не будет расти.

Прибытие этих людей, у которых ужас смешивался с надеждой на новую, лучшую жизнь, повлекло за собой трудности для начальника поста и для уже находившихся там индейцев. Не было достаточного количества продовольствия, чтобы прокормить всех. Начались голод, болезни и стычки. Со временем часть беглецов вернулась на старые места; другие перебрались в Перу и Колумбию. Некоторые остались навсегда в Табатинге. Между ними и старыми жителями этой местности существует явная разница в быту: дома тех и других расположены на противоположных берегах небольшого протока Мариасу; и редко старожилы, очень любящие развлечения, приглашают к себе на празднества вновь прибывших.

В массовом переселении 1946 г. особенно заметную роль сыграло семейство Понсиано Яно (или Понсиано Жоана), о котором мы уже говорили. Сейчас он — пажэ, пользующийся известным престижем, и «капитан» Туземного поста (выбранный «цивилизованными»). Понсиано родился в районе Летисии. Во время войны между Перу и Колумбией, в 1933 г., перуанцы «хотели взять его в солдаты», — как он рассказывает, — и поэтому он убежал в Бразилию в сопровождении своих двух жен (между собою они были сестрами) и нескольких детей. Он обосновался на протоке Гуариба, рукаве Солимоенс, напротив владений, носящих название Палмарес, состоящих из 4—5 огромных латифундий, где сосредоточена большая часть тукунов, живущих в Бразилии. В течение пяти лет Понсиано занимался рыбной ловлей и продавал улов «хозяину». Родились у него еще дети и среди них сын по имени Априжио, который впоследствии должен был сыграть роль в описываемых нами происшествиях. Умерла старшая из жен и, кажется, как раз та, к которой Понсиано был более привязан. Он решил, что «она умерла от болезни или какой-то пажэ ее убил». В эти дни произошли некоторые события, о которых Понсиано отказывается говорить. Как рассказывают другие индейцы, Понсиано и его старшие сыновья убили пажэ, возможно, того, которому Понсиано приписывал смерть жены. Следуя обычаю, они разрезали тело колдуна на куски и бросили в реку.

Сделав это, Понсиано скрылся со своим семейством на берегу протока Такана, так как там он находился в большей безопасности. Он боялся мести родственников убитого. Прошло несколько лет. Понсиано вернулся к работе, которой он занимался в Перу, — надрезал каучуковые деревья и продавал каучук «хозяину». Подражая другим тукунам, Понсиано часто тайком от владельца нагружал лодку каучуком и мукой и отправлялся в Летисию, где колумбийцы не только платили больше, но и дешевле продавали необходимые индейцам вещи. Табатинга находится на пути в Летисию и, таким образом, Пон-

сиано и его сыновья, включая Априжио, познакомились с Туземным постом и его начальником, которым был тогда Манозл Перейра Лима по прозвищу Манэлан.

Еще сейчас тукуны поста вспоминают «времена Манэлана» как хорошее время, когда не было нехваток ни в еде, ни в лекарствах, ни в сельскохозяйственных орудиях. По-видимому, ассигнования Управления по защите индейцев позволяли оказывать большую помощь и, кроме того, начальник поста умел организовать коллективные земледельческие работы, платил жалованье туземцам, работавшим в поле, продавал выгодно продукты и на остающиеся деньги покупал ткани, земледельческие орудия и другие предметы, которые отдавал индейцам. Чтобы лучше понять происходившее, нужно принять во внимание, кроме строго экономического аспекта, еще и эмоциональное воздействие, которое оказывало наличие коллективных плантаций. Но об этом мы не будем говорить, так как этот аспект уже известен по описанию предыдущих движений среди индейцев. Еще и сегодня тукуны поста вспоминают с глубокой признательностью, как Манэлан распределял людей по соответствующим работам и как все весело работали и много производили.

Часто вместо Понсиано отправлялся в Летисию торговать с колумбийцами его сын Априжио, тогда пятнадцатилетний юноша. Много раз проходил Априжио мимо Табатинги. Там он подружился с Манэланом, который предложил его семье перебраться на земли поста.

В 1946 г. именно вокруг Априжио объединились переселенцы. Теперь он женат, у него трое детей, он считается лучшим рыбаком и хорошим футболистом, но, по сравнению с другими представителями племени, кажется молчаливым и мечтательным. Может быть поэтому его и прозвали Раком. Очень возможно, что он чувствует себя немного неприспособленным к жизни. «Если бы у меня были деньги,— признался он однажды,— бросил бы все и уехал бы в Манаос, в Рио-де-Жанейро».

Он очень просто рассказывает о том, что с ним произошло в первые дни 1946 г. Как-то раз он вышел из дома в Такане, где жил тогда, и встретил в лесу белого человека, который говорил по-португальски и который сказал ему: собирай своих и идите к Манэлану, так как через месяц будет конец света.

Априжио утверждает, что этот человек, которого он не знал, не был каким-нибудь привидением, а был настоящим живым человеком. Он его видел наяву, а не во сне. Никогда в жизни потом он его не встречал. Как бы там ни было, эта весть вызвала панику среди тукунов, населявших берега протоков Такана и Белень. Нам уже известно, что случилось потом.

Понсиано, Априжио и другие индейцы считали управляющего постом Манэлана представителем «правительства». Это соответствовало бы действительности, если бы тукуны под словом «правительство» понимали то же, что и мы. Манэлан предложил индейцам остаться на земле поста. Версия, услышанная нами от Понсиано, явно преувеличивает события: «Манэлан позвал всех нас и сказал— это приказ правительства...»

В глазах индейцев, участвовавших в переселении, фигура управляющего носила несколько священный характер. Так как он привык отдыхать после завтрака и в это время никого не принимал, тукуны вообразили, что Манэлан удаляется для беседы со сверхъестественными существами.

Кроме первого варианта, который, по-видимому, отвечает фактам, существует другой, созданный не индейцами, осевшими на землях Туземного поста, а теми, которые — по рассказу местного плантатора — «подавленные и униженные вернулись обратно домой». Этот вариант был подхвачен владельцами земли, он изложен в рукописи, приложенной к письму плантатора Антонио Роберто генералу Кандидо Мариано Рондон с датой: Солимоенс 11 января 1949 года. Мы видели копию этого письма в усадьбе этой плантации.

Согласно этому варианту происшествию, Априжио не является центром мессианских волнений: это Манэлан пригласил однажды сына Понсиано сопровождать его, и они вдвоем ушли в лес. После получасовой ходьбы Манэлан упал на колени, поднял глаза вверх, произнес непонятные слова и залился слезами. Он приказал Априжио посмотреть на одно из деревьев. Априжио увидел там «святую» и услышал голос: «Манэлан, созови всех тукунов Беленя и окрестностей к себе. В пятницу, 8 февраля этого года будет конец света; те, которые будут у тебя, спасутся».

Таким образом, члены семьи Понсиано были только агентами управляющего постом. Манэлан приказал передать тукунам, кроме пророчества о конце света, еще и то, что они не должны платить плантаторам за купленные у них в кредит предметы, а также, что могут убивать любого «цивилизованного», не боясь наказания.

Согласно этому варианту Курт Нимуендажу представляется в виде «святого» или «доброего гения», сотоварища Манэлана в деле освобождения индейцев.

Плантатор Антонио Роберто, чувствуя себя потерпевшим вследствие массового бегства индейцев, написал военным властям форта Табатинга, находящегося вблизи Туземного поста, обвиняя Манэлана в этих «преступных действиях» и прося немедленно сместить его. Он предлагал также перенести пост дальше от границы и от его, Антонио Роберто, владений. Но его просьба не была исполнена.

В обоих вариантах мы видим настойчивое повторение того факта, на первый взгляд несущественного, что Манэлан играл во всем этом роль представителя «правительства». Однажды в разговоре с Понсиано о мифологии племени нам показалось, что мы нашли разгадку настойчивого повторения именно этой детали. Пажэ спросил нас, как будет по-португальски имя Диой, главного героя-просветителя племени тукуна. И он сам продолжал вопросительно: «Это „наш бог“, не так ли? Или „тот, кто управляет нами“, „наше правительство“?».

В другой раз, накануне нашего отъезда, Понсиано вручил нам длинный список тканей, лекарств, сельскохозяйственных орудий, который мы должны были передать «правительству», чтобы оно все это быстро переправило тукунам, чем они были бы очень довольны. Он подчеркнул, не допуская никаких сомнений: «Ну вот, передайте Диой, нашему правительству». Ясно, что он не отделял представления «правительство» от мифа о Диой. Таким образом, нам не кажется невозможным то, что в 1946 г. тукуны видели в Манэлане своего рода посланца бессмертного героя-просветителя. Даже нынешний управляющий постом, которым многие индейцы недовольны, в известной степени является для них представителем Диой. Не чужда мифологии тукунов и вера в то, что сверхъестественные существа могут иметь представителей среди людей. Считается, что не всегда посланцы божества достойны своей роли, но, во всяком случае, они не перестают быть посланцами даже тогда, когда присваивают себе то, что Диой посылает народу тукуна.

* * *

По сравнению с предыдущими проявлениями мессианства, переселение 1946 г. выявляет мировоззрение несколько иного порядка. Индейцы, принявшие в нем участие, не пытались вернуться к прежнему способу хозяйства и традиционному укладу жизни; они желали создать совершенно новую жизнь или принять в ней участие, такую жизнь, которая, по крайней мере, смогла бы избавить их от неустойчивого положения и нужды.

Интересно отметить, что ожидание «большого судна», груженного продовольствием, — очень своеобразный аспект туземного мессианства Южной Америки — представляет собой явное сходство с основным представлением «передвижения грузов», характерным для Меланезии и заключающемся в ожидании тысячелетней эры изобилия, когда все виды товаров и благ — «грузы» — будут привезены по морю иноземными освободителями, что приведет к полному перевороту в традиционном общественном укладе жизни туземцев.

С другой стороны, в противоположность тому, что происходило во время первых мессианских движений тукунов, участники которых умирали или разгонялись, при переселении 1946 г. во всяком случае часть их осела в Табатинге и под защитой Туземного поста освободилась от прямого господства плантаторов. Итак, можно сказать, что движение достигло относительного эффекта.

Мессианство тукунов нельзя понять, не обращаясь к мифологии племен, но одна лишь мифология не может объяснить этих движений. Нельзя его исследовать, не принимая во внимание нищенского положения населения, но эта отдельно взятая причина еще недостаточна. Оно не может быть понято, если не принять во внимание соприкосновения с миром «цивилизованных» — плантаторов, торговцев и т. п., но не само это соприкосновение, как таковое, определяет вышеописанные движения, а социально-экономические условия, им порожденные, в частности, — господство над индейцами и ограбление их плантаторами, захватившими их земли и пытающимися заставить индейцев торговать с ними на кабальных условиях.

Нельзя утверждать на основании всех уже известных данных, что мессианство племени тукуна направлено против «аккультурации». Правда, в 1940—1941 гг. на берегах протока Сан-Жеронимо мессианство было как бы усилием воссоздать прежние основы местной культуры, начиная с общих плантаций и кончая восстановлением родовой общины. Было бы неправильно считать, что все предыдущие движения носили тот же характер, но даже и в этом случае (1940 г.) не наблюдалось полного отказа от ценностей, принесенных современной цивилизацией, так как приписывалось бессмертным, населяющим Эуарэ, право пользования благами культуры. А последняя описанная нами вспышка в 1946 г. уже совсем не была попыткой возвращения к прошлому утерянному миру, наоборот — отчаянным усилием, предпринятым самими индейцами, с целью найти более приемлемое для себя положение среди белых.

Мессианство тукунов представляет собой прием, посредством которого индейцы пытаются, сознательно или бессознательно, освободиться от зависимости, господства и подчинения «цивилизованным». Эту цель ясно понимают плантаторы, которые всегда вмешивались в эти движения индейцев и прибегали к физическому насилию, угрозам и привлечению властей.

Мессианские верования племени тукуна вытекают из ранее существовавших мифов, но они учитывают нужды, как субъективные, так и объективные, совершенно нового социального положения. Таким образом, новые идеи, взятые от «цивилизованных» или выработанные самими индейцами, включаются в традиционные мифы и представления, приспособлявая их или изменяя по мере необходимости и возможности. Так как при этих обстоятельствах индейцы сталкиваются с социальными проблемами не только внутренними, приводящими к преобразованию структуры своего племени, но также относящимися и к бразильскому обществу в целом, становится понятным, что их деятельность приобретает тем большую эффективность, чем больше их мировоззрение подвергается воздействию аккультурации.

SUMMARY

The author describes some cases of messianistic movements among the Tukuna Indians of Brazil in the 20-th century.

Considering various trends in these movements and comparing that of 1946 with the former cases, the author points out that the aim of the Tukuna messianistic movements of later years was to attain a more secure and stable social and economic standing and to get rid of the exploitation of the «civilizados». The author also states the resemblance of the Tukuna messianism to the «Cargo cults» of Melanesia.